

Е. Самокиш-Судковская —
«Свидание Овечьих с Татьяной»
иллюстрация к «Евгению Онегину»
в изд. Голицы и Вильборга.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ, КАКАО.

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 56.

15 АПРЯ 1916 г.

Отд. №—85 коп., в киосках жел. дор.—95 коп.

СОЛДАТЫ- СБЕРЕЖЕНІЯ- СНАРЯДЫ-

**ВОТЪ ТО, ЧТО СЛОМИТЪ ВРАГА и ДАСТЪ
НАМЪ ПОБѢДУ.**

Оружіе и снаряды расходуются въ небывалую войну въ небывалыхъ количествахъ. Ни дѣлать, ни возобновлять ихъ запасы нельзя безъ большихъ и непрерывныхъ затратъ.

Вы можете и должны участвовать въ этихъ затратахъ. Берегите деньги и на Ваши сбереженія приобрѣтайте бумаги военного займа. Ваши деньги будутъ давать Вамъ хорошіе проценты, а доблестная армія получить новый запасъ оружія и снарядовъ.

УСЛОВІЯ ЗАЙМА.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятся, начиная съ 1 февраля 1916 года, 5¹/₂% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ—1 февраля и 1 августа.

Уплата процентовъ навсегда освобождается отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Всѣ облигаціи будутъ погашены 1 февраля 1926 г.; до наступленія этого срока къ выкупу займа приступлено не будетъ.

Оплата срочныхъ купоновъ и погашенныхъ облигацій будетъ производиться въ Государственномъ Банкѣ, Казначействахъ и Сберегательныхъ Кассахъ.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Держателямъ облигацій настоящаго займа будетъ предоставлено право обмѣнять ихъ на облигаціи государственныхъ займовъ того же или болѣе продолжительныхъ сроковъ, могущихъ быть выпущенными внутри Имперіи въ теченіе 1916 года, при чемъ въ уплату по новымъ займамъ будутъ приниматься облигаціи сего займа по ихъ выпускной цѣнѣ.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

№ 56.

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

15 АПРѢЛЯ 1916 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

„МИХАЙЛОВКА“,

усадьба графа А. В. Каппаста, Харьковской губернии, Лебединскаго уезда¹⁾.

Сколько ни исчерпаннымъ представляется уже иногда усадеб-
ный материалъ Россіи, и какъ на часты стали за послѣднее

время описанія усадебъ, все же, при ближайшемъ разсмотрѣніи,
оказывается, что существуютъ еще дѣльные усадьбы и даже
почти цѣлыя губерніи, совершенно не обследованные нишею въ
отношеніи барскихъ помѣстій, т. е. памятниковъ усадебной архи-
тектуры.

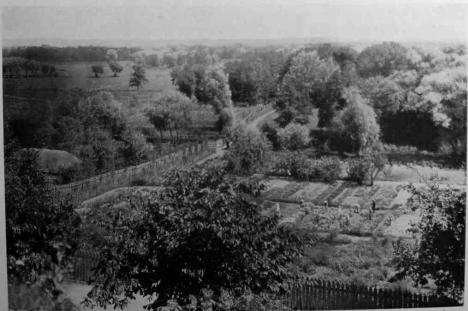
Въ самомъ дѣлѣ, принималъ ли описатель въ глаза Периской
губерніи? Видѣло ли око обозрѣвателя архитектурнаго матеріала,

¹⁾ Материалъ публикуемого здѣсь очерка отчасти заимствованъ изъ нео-
публикованнаго въ печати труда автора этихъ строкъ, изданнаго графомъ
А. А. Каппастомъ: „Усадьбы Харьковской губерніи“. Фотографія же сады
въ 1914 году сдѣланы по порученію „Столицы и Усадьбы“ Фот. Д. Шней-
бергъ съ любезнаго указанія Г. К. Лукомскаго.

Окрестности Михайловки.

Собств. фот. „Столяки и Усадьбы“.

Графиня Варвара Васильевна Капнисть
въ саду Михайловни.

Заль в Михайловскѣ.

Соб. фот. «Ст. и Ус».

была женат на Кондратовой, и Андрей не имѣлъ потомства по мужской линіи. Дочь Андрея Павловича, Прасковья Андреевна, была замужемъ за бригадиромъ Александромъ Коробовскимъ; ихъ единственная дочь Александра была также замужемъ: свазана за генералъ-майоромъ Андреемъ Григорьевичемъ Иваненкомъ, а потомъ, послѣ его смерти въ 1793 г. за княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ Долгоруковымъ. Братья Андрея, Александръ Григорьевичъ, умеръ позже, въ 1808 году и о-го-то началъ постройку церкви и перенесеніе дома Подуботковскаго на новое мѣсто (среднюю часть нынѣшняго дома).

Марія Андреевна, дочь Иваненки и Александры Александровны, вышла замужъ за полковника Бѣлуху-Козаковскаго, а ихъ дочь Ульяна Дмитріевна—въ 1833 году за графа Алексѣя Васильевича Капниста, устроившаго домъ и сдѣлавшаго пристройки; внукъ графа, Алексѣй Васильевичъ—нынѣшній владѣлецъ Михайловскаго.

Архивъ графа Капниста даетъ возможность составить довольно полное представленіе о вышеизъ слѣдъ можно-русского общества XVIII и XIX столѣтій.

Дворянство, заключая браки дѣтей своихъ, нѣкогда обыкновенно составляло реестры всего приданнаго. Экземпляръ реестра имущества хитинги Долгоруковъ, по первому мужу, Иваненко, при замужествѣ его дочери Маріи Андреевны за полковника Бѣлуху-Козаковскаго, заключаетъ очень интересный матеріалъ. Онъ содержитъ описаніе о бытъ того времени: «рвать со шпоромъ» стоило 1,100 рублей; одной столовой серебряной посудѣ въ домъ было на 3,307 руб. 50 коп. и т. д.

Среди множества различныхъ рода документовъ архива графа А. В. Капниста, обращаетъ на себя вниманіе грамота Венеціанскаго дожа Леоидіа Моченго, датная 17 января 1702 году; это—дипломъ Венеціанской республиканки на графское достоинство Статтеделло-Капнистиса, графа, за описаніе появивша во время войны съ турками, подъ начальствомъ Морозина. Грамота на латинскомъ языкѣ, съ серебряной печатью. Внукъ Статтеделло, Петра Капнистисъ въ 1711 году переехалъ въ Россію. Сына его, Василія, поступилъ на русскую службу и сталъ называться Капнистисомъ, а позже Капнистовъ. Графскій титулъ въ Россіи Капнисты восстановили въ 1845 году.

Теперь нѣсколько словъ объ Андрѣй Григорьевичѣ Иваненкѣ, какъ основателѣ нынѣшней усадьбы, и о графѣ Алексѣѣ Васильевичѣ Капнистѣ, какъ о строителѣ современнаго дома и, вѣроятно, вѣктораторѣ изъ фантазій, воротъ и бесѣдокъ.

Андрѣй Григорьевичъ Иваненко состоялъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцевѣ генералъ-майоромъ съ 1788 года; братъ его Александръ Григорьевичъ былъ тоже военнымъ. Графъ Алексѣй Васильевичъ Капнистъ,—Миргородскій Уѣздный Предводитель дворянства, родился въ 1796 году, умеръ въ 1847 г.; графъ Василій Алексѣевичъ родился въ 1836 году, и въ 1880 г. действительный статскій совѣтникъ, Лебедяевскій Уѣздный Предводитель дворянства, гофмейстеръ, въ 1908 г. тайный совѣтникъ, братъ посла въ Австро-Венгрію и братъ почетнаго члена Московскаго Ученнаго Общества.

Какъ и когда образовалась нынѣшняя усадьба? Именнованная по первому владѣтелю, полковнику Михаилу Васильевичу, но, собственно, основанная Подуботскимъ, усадьба лишь при Иваненкахъ стала застраиваться. Перенесенная часть Подуботки послужила основаніемъ для нынѣшняго. Средняя часть дома была позже посредникъ украшена четырехколонными портиками, выходившими по обѣ стороны дома къ подъѣзду и въ садъ. Въ 1808 году была достроена церковь братомъ Иваненки Александромъ Григорьевичемъ, послѣ смерти мужа Коробовскаго, Андрея Григорьевича. Тогда же, вѣроятно, возникла козловная домъ, опера съ воротами, ротонда и домъ, гдѣ нынѣ живетъ графиня В. В. Капнистъ (режиссеръ книги Ренкина). Впрочемъ, этотъ домикъ могъ быть построенъ и нѣсколько позже. Иностранцы въ церкви тоже не ранѣе 1808 г., но и не позже 1833 годовъ.

Такимъ образомъ, вся застройка (позднѣе оранжереи, бесѣдки дзевирини въ верхнемъ паркѣ) примыкала, собственно, въ периодъ первой четверти XIX столѣтія, пречемъ стѣнами позднѣе сооруженія будутъ достройки главнаго дома справа (безусловно 30-е годы) и слѣва (халл).

Имена зодчихъ, по обыкновенію, переданы забыено. Истинныя фамиліи основателей, даже прасудъ, а нѣкогда тѣхъ, кто проектировалъ, напр., прелестью бесѣдокъ, неизвѣстны. Одно можно сказать, что болѣе или менѣе стилистическіе мастера слѣди за нѣмъ имѣть мѣсто. Не Гаврилинъ, ни даже Мензасъ (строитель Стефанъ), не

являл из сооружений Михайловских зданий. Но образцы были иные: быть может, архитектор из Полтавы или Харькова ениское Представление дома на Крутой Платоиды из Полтавы: стиль, гимназия и многие особенности) была строгостью усадьбы. Например, рассматривая детали, особенно приходящие к такому заключению: лампы на воротах, профили карнизов, а особенно, башни колонны — совсем «провинциализмы».

Итак, современный большой дом в «Михайловке» состоит как бы из нескольких склепов (в притом нельзя сказать, чтобы особенно удачно) частей: средняя с портником на обе стороны дома — старшая и лучшая. Парная коринфская колонна часть поворота балкона, устроенным в втором этаже, перерываемый линией колонны.

Фасад со стороны подъезда — одноэтажный, и наличие окон довольно изрядны, тонки и по профилю и, особенно, кронштейнами. Симпатичны тройные окна. К сожалению, оба крыла по сторонам портала неодинаковы. В левое врезался подъезд, пристроенный сравнительно недавно, вероятно, уже графом А. В. или В. А. Калининым, и помещающийся в центре дома от портала в сторону зала. Снаружи архитектура была бытовая, классическая. Правый корпус приятен наличием окон.

Со стороны сада — к портнику пристроена обширная терраса и лестница, очевидно, также позднего происхождения.

Правда, она очень уютна, защищает от ветра, дает прохладу, но особенно сильно портит, даже, можно сказать, губит.

И балюстрада балюстрада и капитали пиластры на пилондах — очень слабого выполнения. Особенно капитали: их просто надо переделывать, расчистить пиластры. В пилондах между ними хотелось бы видеть скульптурные изображения: валь для того иши и длаются.

Вход в дом пристроен, как указывалось, и является отдельным тамбуром. Внутри прекрасны лишь шпалы, которыми была заставлена вся лестница. Из передней направо — зал, двухэтажный, большой, с хорам, обходящими весь зал кругом.

В зал, обставленном прекрасно бьюно и золотом мебелью (столики, скамейки банкетки, стулья все — из двора из Хотина, были, графа Строганова) много интересного, и, пожалуй, наиболее ценного из дома.

Галерея портретов гетманов и предков Калининых — Иваненков, Полуботков, Коробовских. Из портретов особенно важны и интересны: портрет Павла Полуботка и его жены; последний портрет изображает женщину из национальных уборов; портреты гетманов Апостола, Иваненки, (портрет раб. Молжарина), кн. Долгорукого, княгини Долгорукой, рожденной Коробовской, по первому браку, Изавры, Миласавской (дочери Полуботка) и мужа ее. Портреты несложны по рисунку, в хороших, хотя позитивных, рамках. Не помню назв. кибулери Николаевской эпохи и картина «Св. Себастьян». Печная кафельная, гладкая, с предельной ободной рамочкой из стилей Louis XVI.

В столовой, рядом с залом, хороша люстра до-Петровского времени.

Далее гостиная, в которой вся мебель из Хотина. Поразительно уютны большие, немного забавной формы, кресла. Здесь отыскать можно кафельницы черной брови, вазы фарфора, Николаевского залога, «головки» Грета, етаний портреты Bolognino, Moretti di Brescia.

В другой гостиной (портретной), в библиотеке, в кабинете, рядом с всею много чудесных и даже ридачивших образов мебели начала XIX столетия — красного дерева, карельской березы: банкетки со стразами в спинках, письмен-

ный стол, диваны с чудной выкруташей, marquetry, шкафчик. Empire. Здесь портреты раб. Коринфского, Молжарина, Левицкого. Хорош портрет князя Репина (генерал-губернатора), писанный в 1825 году. Прекрасные часы (с яврой) из Хотинского двора. Несколько часов в других комнатах из стилей Людовика XVI и даже более ранних: коша первой половины XVIII столетия. В спальне поразительной красоты кровать карельской березы (из Хотина) с отливою выложенными фениксами (под ножками кровати), здесь же стулья и кресла из Хотинского двора, буквально предельно расхвачен и забитый за последние время.

Рядом, в кабинете графа очень красивое бюро, шкаф с отличной колоннадой, уставленной на верхнюю шину; бронзовая урочения на дверцах и замочных сканжах бюро — очаровательны.

Еще надо отметить в дом графа Калинина чудесные копии — украинские, старинные. Выки розь, лэры, букеты шифтов на черном и блязом фонах, гирляндами виноградных веток усыпанных эти коры.

На канализации вазы — есть очаровательные экземпляры. В канализации замечательны ридачивные рынцы в виде часов — в стилей Людовика XVI.

Большую часть (почти всю) мебели составляют приобретения неслучайно графа А. В. Калинина и его супруги. Так, вся мебель из Хотина приобретена именно в том году, когда коры сест и новые (мастерской Якучинковой и Давыдовой, как известно, по старинным оригиналам, создающих чудесные новые экземпляры-копии).

Картины в дом собраны были в основном и частью отцом нынешнего владельца дома. Итальянская, голландская и фламандская школы (Рубенса (?) — «Проклятие Иаков» — живопись полотна расхвачен по всему дому, при-

Портретная. Направо портреты князя Н. Г. Репина, вально — Александра I, раб. Левинского.

Гостиния. Мебель карельской березы.

Бюро
времени
Павла I.

чем есть несколько зданий и в дом графиня В. В. Кавиньш. Итальянцы XVII и XVIII вв., Пуссини, перспективисты — Биббиа, Панини, Гварди и даже Веронези (?) из Санкт-Петербурга, Готтичелли. Выйдя из главного дома, мы идем постройку из сада и близ церкви и прежде всего посетим дом, в котором живет графиня В. В. Кавиньш (род флангера, но за оградой усадьбы; это как бы бывший дом управляющего).

Со стороны улицы дом украшен четырехколонным портиком, в сожалею, тоже слегка попорченным террасой, устроенной на уровне первого этажа. Удивительно мало усадки в портике, в колоннах! Но, быть может, здесь такой балок и был сделан сразу, при постройке?

В главном же доме (да и во многих других усадьбах Малороссии — в Плутовке, Очипки, перерезаны безжалостно колонны, и вставлены между ними балки. В некоторых случаях это бывает естественно и так скопировано архитектором (Алексеева, Бездрица, Сосновка); в других — допущена терраса, но лучше бы ее не было; в Очипки же терраса, среди колонн, возмутительна.

Так, наглядно это видно, если обойти описываемый Михайловский фланг кругом и взглянуть на другой фасад, который не имеет терраса, а просто с высоты первого этажа спускается ступенями.

В доме много внутренняя лестница (стены окрашены в белый), с развешенными по стенам голландскими гравюрами: виллы Дрездена, Венеции и других городов.

В комнатах хорошие предметы; особенно примечательна внутренняя с грамматами и с медалью. К сожалению, стены готтичелли не особенно подходят к стилю и сюжету хранящихся в них картин. Из бронзы — отлитые часы, работы Chelone, прекрасной композиции. Мебель — мажор. Кроме двух домов и церкви, в Михайловке мало отметить еще несколько отвлеченных построек.

Прежде всего баня церкви, со стороны алтаря два часовни по углам церковной усадьбы — пре-

мени постройки церкви; это — два престолы ротонды с шестью колоннами, разбавленными небольшими пилярами. Круглые ротонды перекрываются, ротонды и увенчаны колонами без крестов. Окруженная зеленью, обч. часовня эта чрезвычайно живописна. Между ними неслабо выстроены сады из стилей, отвлеченных часовен, но как-то кусты и острей выныли асфальта его.

На половине расстояния между церковью и домом — чудная беседка на возвышении. Шесть колонн (по три) спереди, и голубая стала созда образуют его. Купол увенчан пролетами, тонкими, широкими. Беседка из фойе деревьев прелестна.

Церковь, менее интересная снаружи (хотя ее формы грандиозны, классичны) особенно хороша внутри. Здесь пышный иконостас из позолоты Итальянской классики. Есть и естественный иконостас конца XVII в. (барокко), иконы 1760 года. Но особенно хороша церковь, если смотреть на нее от входа из дверей (к сожалению, фотографии наша не передает этого эффекта), когда на первом плане видна огромная арка с росписью, украшенными и государственным орденом, наверху, а вдали иконостас в виде ротонды, также поставленной под арку. Арка покоится на пилонах, образованных тонкими колоннами.

Рубенский? — Пророк Илья".

Б. Моретти. — Портрет.

В парке (на верней его части) обилие растений, беседочка. Она как будто в китайском стиле; из нее открывается чудный вид на долину. Другая беседка обращена в сторону дома. Сидя на скамейке, в раме тонких деревьев, колонн, образующих эту прелесть, но выходящую беседочку, можно долго, долго любоваться чудными пейзажами, открывающимися вину под горой. Темная густая зелень деревьев парка — абанис; близость колонн дома, ротонды часовни; потому ограда, ублажающая вид к реке; сирень, лаванда, ель, прозрачные, валь, в даль — ауга, ауга, ауга... На горизонте сияет кайма домов, замыкает прелесть музыкальностью своей пейзаж. — Долго можно просидеть в беседке этой на горь. Мечты и воспоминания, по ассоциации, — другие сновидения встанут в воображении, много множество других усадьб вырисовывается отчетливо и отчетливо, и вот ставитосебя, сколько, сколько, фантасия, энергия, средства, уединен, культуры, ауга, — вышло из одно время и составило в России такую эпоху.

Многие мысли, сравнения направляются при виде того, сколько уединения проявил ауга, поставив здесь, хотя бы эту беседочку, — но солнце близко уже к своей полноте, дома, прохлады спускается на землю, и вот доносится звук гонимой гонимой к обеду.

Создание лишь отдаленной, первоначальной старости с современным комфортом — такая асвиз Михайловки, и также асвиз — асвизация из фойе, которая печальна факторий в усадьбе жизни России вообще, и Харьковской губернии в частности.

Георгий Лисовский.

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА «ХРИСТИАНСКОЙ НАУКИ».

Вымышленный облик американского пророка и основателя, выходящего главным действующим лицом новой плески Адам-тома Камеского, «Златиры», восстановлен в моей плески действительному существовавшей еще очень недавно фигуре одной американской пророки. Я нисколько в аиду Мари Бекер-Эдди, основательницы секты scientists.

Мари Бекер-Эдди родилась в 1821 г. в штате Нью-Хампшир. Ее отец, по происхождению английской протестантской, был небогатым фермером, и не имевшим возможности дать своим дочерям бо́льшее или меньше сполное образование. Мари училась в сельской школе, но проработав недолго, потому что ее организм, подверженный нервным припадкам и истерии, сильно препятствовал правильным занятиям. Там же, не мейте, в своей автобиографии («Retrospection and Introspection») Эдди объясняет, что ее визит из школы только потому, что ее «мозг был слишком великим для ее организма». Она рассказывает также, что уже в детстве знала в совершенстве греческий, латинский и древне-еврейский языки и что ее любимыми учебными занятиями были философия, логика и этика. Однако ее теоретические боги были единственно это отразилось. Но, как ни как, а еще в детстве своим Мари имела неоднократные видения и слышала небесные голоса. Впоследствии же ее врожденное религиозное чувство разрослось в настоящие мистические.

Еще очень молодой она стала заниматься спиритизмом и изучением животного магнетизма. Вышла замуж за первый раз за камешника и овдовев в 22 года, она вышла вторично в 1853 г. за странствующего дантиста, мистера Паттерсона, но вскоре же развелась с ним.

Тогда-то судьба столкнула ее с самым мастером Куинби и позволила начать ее дальнейший «карьер».

Этот Куинби, заимствованный доктринами Месмера, занимался эликсиром. После того, как ему удалось достичь, в некоторых отдельных случаях блестящих результатов, с помощью незнания медики и магнетизма, он стал пробовать свои силы на излечении физических недугов, правда к тому убеждению, что это вовсе не в меду и не в эликсире, а в том, что меду просто передается то, что пациента и окружающие думают о болячке. Иными словами он полагал, что прояснение болячки имеет субъективный характер.

Среди пациентов часового мастера была и г-жа Паттерсон. Испытавшись, благодаря его методу, от своих первых припадков, она стала его явной адептом и ученицей. Научившись от Куинби духовному единству и усвоив его принципы, Мари Эдди сместрила, с помощью того, что уже знала, свою собственную доктрину, назвала ее «христианской наукой» (Christian Science) и после смерти бывшего часового мастера стала ее «пророком» во всех газетах С.-А. Соединенных Штатов.

В 1870 г. Мари Бекер-Эдди обосновалась вместе с своим-то Кешиди в местечке Линн, близ Бостона. Там она основала свою первую часовую, но не учила или не жаловала «дичи» самолично, она стала преподавать к. и. «Mind Healing», духовное лечение. За 300 долларов можно было познать все тонкости новой науки, победившей болячки.

Два года спустя г-жа Эдди имела уже 5,000 долларов и популярность ее росла не по дням, а по часам.

В 1876 году один из ее учеников, Джозеф Эдди, слабхарактерный и тихий наломинать, был выбран ею в мужья. К тому же времени относится и появление в свету главного труда Мари Бекер-Эдди, выходящегося краудовым камнем всей доктрины. Книга эта называется: «Science and Health with Key to the Scriptures» (Наука и здоровье. Ключ к Священным Писаниям).

Эта книга небольшого формата, написанная в тонкой плески папирусной бумаге, т. е. «libres paper», из мягкой, каменной переплетки, с золотым орнаментом по краям, замшелого рисунка короны, с хорошо исполненным портретом авторши, принадлежала Мари Бекер-Эдди в первые же годы несколько сот тысяч долларов и положила основание крупному состоянию пророки.

В 1910 г., в год смерти г-жи Эдди, был продан этот же 3-х миллионный экземпляр этой книги...

В чем же кроется успех этой книги? Прежде всего в силе внушения, которым пропитано каждое приведенное в книге ма-

гическое изречение; затем, в доступности толкования Священного Писания; наконец, в том, что книга встречает полные уроки и формулы блас и разнесения многих глав Евангелия, а как «действительная», «вспомогательная», что «боги не существуют, а значит жить и страдать». Только молитва может развить мысль, что вы страдаете, унять крики боли, вызванные этой мыслью, но, конечно, не страданиями, которых на самом деле не существует.

В 1889 г., благодаря крупному материальному успеху своей проповеди и проповеди книги, Мари Эдди переехала из Бостона и поселилась в собственном доме. Год спустя scientists приступили к постройке в Бостоне своего храма, который и был открыт в 1894 г. Сбором этого, построенный из сырого кирпича и украшенный по старым изречениям, вытискам из Библии и из книг основательницы Christian Science, стоил два миллиона долларов. В том же году в 1881 г. был также основан «метасторический колледж», который, спустя несколько лет, уже высылал в себя 4,000 студентов, плативших по 300 долларов.

А в 1883 г. Мари Эдди основала первый орган scientists «Журнал христианской науки».

В настоящее время scientists называют уже несколько журналов и газет. Наиболее авторитетной и распространенной является «The Christian Science Monitor». На первый взгляд этот печатный орган ничем не отличается от других газет С.-А. Штатов. Тот же обычный шрифт, тот же объем и количество страниц, почти то же содержание и те же объявления и рекламы. Встречаются даже корреспонденции из России, о Мурманской ж. д., о Государственной Думе и т. п., написанные на языке совершеннолетней тош. Однако, просчитав внимательно газету, то и дало впечатление на впечатление, между статьями политического характера и телеграммами из Европы, заметки о естественном движении, о дьяволе, «веревке» и вообще scientists, на портреты и биографии известных человек секты. Наконец, посчитав страницы газеты уже сплошь отведенные scientismu во всех его проявлениях.

В первые годы основания секты scientists «служба» в храмах секты состояла из проповедей, но затем Мари Эдди заманила их чтением отрывков из своих сочинений и чтением гимнов. Причисляла два раза в год; бракосочетания и погребения были упразднены.

За несколько лет до своей смерти г-жа Эдди основала Совет из нескольких человек, которому и передала управление сектой. Приблизительно к этому времени секта насчитывала 723 «пророка»; 27 в Канаде, 17 в Англии, 3 в Ирландии, 8 в Мексике, 3 в Германии, 3 в Голландии, 1 во Франции, а все остальные в С.-А. Соединенных Штатах. Кроме того 265 обществ не были организованы из церкви, из них 30 в иностранных государствах, в том числе и в России.

Общее количество адептов достигало 150,000 человек, секта насчитывала свыше 4,000 «исследователей», которые ухаживали за больными и получали жалование от общины.

Устроив столь блестящее свое земное дело, Мари Бекер-Эдди построила обшину, столь же торжественно и свой уклад из этого мира. Поучившись приближение смерти, она удалилась на покой, чтобы любить человечество и трудиться над его совершенствованием; из красиво расположенной и комфортабельно обставленной обшине, «Честной Хилл», близ Бостона, где и опочила без страха и без страдания.

Это случилось 5 декабря 1910 года.

Нечего и говорить, что дом этой старейшей женщины из доминиканцев. Фетишным сторонникам г-жи Эдди настолько велика, что миллионы людей и разного рода пустяки ее нисколько не раздражают, а вызывают восторг, а то, что происходит, как например: ее фотографии, карточки, книги, автографы и т. п. покупаются на весь мир.

Если можно вкратце историзировать этой, крайне любопытной секты, то окажется, что в 1920-е, если рост этой секты сократился в той же пропорции, как и теперь, scientists будут насчитывать 10 миллионов человек в Америке и 3 миллиона в Англии, а комитет, стоявший во главе этой общины, будет получать ежегодно пять миллионов долларов!

Глобализм.

Не надо слов, слова—нейтральный сон.

Все суета! Что помысли, что слова?

Твои глаза—сверкающий затылок,

Твои уста—блаженный отрав.

Зачем искать опасных веренищ

Пылтливый думь, впроисловь терпеливых.

Так прихотлив узор твоих рсннщ,

Изгиб бровей упрямых и кривых...

Все суета! Одинь возможен путь—

Не сбиться, не думать, не томиться,

Во твоих глазах бездонных потонути,

К твоим устам прикинуть и забыться.

Бир. Луис.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Напишите то, что вы рассказываете. Это удивительно интересно!

— Да я никогда въ жизни ничего не писалъ...
— Тамъ было интересно! Вы знаете, что каждый человекъ носить въ себѣ одну интереснѣйшую статью, которую онъ могъ бы написать, и такъ и не написать, такъ и умереть съ нею. Другой будетъ неинтересенъ, но оная — непременно интересна. Мнѣ кажется, что если бы у каждого человека былъ постоянно передъ глазами блок-нотъ и карандашъ, то въ литературу пошла бы масса интереснаго, то, что теперь пропадаетъ.

— А женщины неважно говорили бы, такъ какъ все-таки ну было бы время, чтобы кое что записать. Это тоже была бы большой выигрышъ для цивилизованнаго человечества...

... Въ Петроградѣ было четыре картинныхъ выставки, а Ростиславъ пишетъ въ "Ринъ": "По обыкновенно изъ всѣхъ выставокъ осенняго сезона, выставка "Мира Искусства" является единственною по своей значительности".

Большинство, прочитавъ эти строки, поверить Ростиславу: само плохо разбираясь въ искусствѣ, придетъ на выставку "Мира Искусства" и будетъ восхищаться не только тѣми высокими действительно талантливыми вещами, которыя тамъ выставлялись, но и красивыми мальчаниками, и беззубо-эротоманскими композициями — какъ Блюменфельдъ, и грухими и злобными, лежащими на отвѣсно поставленныхъ столахъ...

Будутъ смотреть и восхищаться и никто не скажетъ, что "Король голый", какъ въ сказкѣ Андерсена. Не хватить силъ. Помните, въ "Ринъ" написано, что это единственно стоящая выставка, а между тѣмъ на другихъ самъ видѣнъ очень недурные вещи: значить, эти еще лучше, а мы просто не понимаемъ.

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ сужденіе непонимающей толпы о величайшихъ произведеніяхъ искусства. Но также опасно и предвѣтное партійное самовосхваленіе, ослѣпленіе всего, что подъ этимъ флагомъ и пріобрѣно ко всему, что подъ другимъ.

"Король голый" — хочется крикнуть на выставкѣ "Мира Искусства", стоя передъ "красивымъ мальчаникомъ", но какъ же кричать, боясь прослыть неважнымъ и даже восхитленнымъ, стараясь найти въ себѣ тѣ точки, изъ которыхъ, особенныя струны душевныхъ эмоцій, которыми свайбаны только избранные. А эти избранные ходить кругомъ да бесмысливаются, и въ это время, что "Король голый", то только они никому не говорятъ.

Несомненно, что за "Миромъ Искусства" громадная заслуга — это цѣлая эпоха въ русскомъ искусствѣ, но все-таки нужна смысловая сказать — "Король голый", когда онъ действительно голый. Даже съ точки зрѣнія крайней партійности вредна заявка неапатичности. Видъ то, что тамъ ярокъ и талантливо, то само собой вырывается и о немъ спорить только тупицы, или такіе же партійные изъ другого лагера, иныяе которые тоже заранѣе составлены...

— Я думала такъ же когда то, а теперь мнѣ ваши "лучшіе" картины кажутся раскрашенными фотографіями, а вслѣдствіи "Мира Искус-

ства", протирываешь дверь храма еще неродившихся изъ искусства, которое будетъ такъ же далеко отъ современныхъ картинныхъ фотографій, какъ мы далеки отъ статистическихъ опанованныхъ профилей...

... Да, я много охотился... Собственно говоря, а застрѣлывъ пять тигровъ!

Это очень мило, что вы стрѣляете въ тигровъ, но вы помните анекдотъ? Охотникъ рассказываетъ другому о своихъ охотничьихъ подвигахъ. Идетъ онъ гдѣ то въ джунгляхъ, и въ Африкѣ, и въ Индо-Китае и вдругъ настрѣлку ему два тигра! Вотъ и, говоритъ, изъ этого ствола — одного тигра въ лѣвый глазъ, изъ праваго ствола — другого тигра въ правый глазъ — и оба казались... А слушатель спокойно замѣчаетъ ему: "Послушай, если ты еще одного тигра убиешь, я тебѣ въ морду дамъ".

Такъ вотъ мы не забываемъ, хотя и человекъ и смиренъ...

... Одной институткѣ никакъ не могли влюбиться какъ освѣтлять градусомъ мороза на градусникъ. Когда руть поднималась вверхъ отъ нуля, институтка разбиралась въ этой прекуратори, но когда въ нуль руть опускалась ниже нуля, никакъ не удавалось опредѣлить цифру градусоваго мороза.

Догоданный рецензиторъ, наконецъ, рассказалъ институткѣ анекдотъ о томъ, какъ во время путешествій Екатерины II у одной изъ ее привороженъ дамъ заболѣла зубъ. Болъ болъ очень мучительно, а врачъ по банности не былъ. Послѣ долгихъ поисковъ въ мѣстечкѣ обрѣли почтовую станцію, на которой свѣлся фельдшеръ, которого и доставили въ больницу. Тутъ же былъ Императрица. Непривычная обстановка, присутствіе Императрицы, такъ подѣлывали на бѣднаго лекаря, что тотъ еще лежалъ отъ страха. Ему приказали выдернуть у дамы большой зубъ. Лекарь, весь дрожа, осматривалъ его и еще больше растерялся. Послѣ долгихъ уговоровъ удалось выяснить, что у дамы болѣтъ нижній зубъ, а лекарь умѣетъ выдергивать только верхніе зубы!

Екатерина расхопалась и быстро нашла выходъ изъ положенія. — "Этотъ нуликъ! Тогда мы устроимъ переворотъ" — сказала Императрица.

Большую даму переворотъ изъ кресла вверхъ ногами и лекарь выдергивалъ нижній зубъ, какъ верхній! Теперь она уже стала верхнимъ. Выдергуя благополучно. Императрица опять сказала, всѣ были довольны и въ прекрасномъ настроеніи продолжала путешествіе.

— Вотъ и съ вами, всякій разъ когда на дворѣ морозъ, нужно устраивать переворотъ. Если вы будете смотреть на градусникъ, расположенный сверху жезла, то градусъ будетъ опрѣдѣлять такъ же просто зимой, какъ и лѣтомъ!

Съ тѣхъ поръ въ морозъ ученики вспоминаютъ анекдотъ о переворотѣ и точно опредѣляютъ градусъ мороза...

Рис. американск. художн.

ДЕМИДОВЪ САДЪ.

Тамъ, гдѣ нынѣ "Луна Паркъ", былъ знаменитый "Демидовъ садъ", увѣковѣченный Пешаринскимъ поэмъ именемъ "Демидова". Вселеншіе Петербурга считали его единственною центромъ эстетическихъ развлеченій.

Помните, однажды кн. А. И. Урусовъ убѣждал меня съходить туда съ женою. Войдя, мы напали густую блестящую толпу людей въ шланговой эстрадой. Урусовъ чувствовалъ себя, какъ дома. Разговаривалъ чуть не со всѣми, въ особенности съ дамами.

— А кто это такая? — спросилъ я его, когда кончили съ одной изъ нѣхъ разговоръ.

Лино его еще сіало счастливо улыбкой послѣ лѣтней болячки.

— Очень хорошая женщина, — сказалъ онъ. — Но какъ тебѣ объяснить, кто она? Разошлась съ мужемъ — сошлась съ публикой... Я невольно расхопался, услышавъ такой блестящій и несмысленный афоризмъ.

Однако же, послѣ перваго визита въ садъ съ Урусовымъ, я рѣшилъ туда заглянуть, предпринимая прогулку по острову. И только въ ненастную погоду случалось иногда туда ходить. Такъ какъ въ ту пору ни Александръ, ни Тумановскій, "Лѣтняго Буфета" и другихъ подобныхъ заведений еще не существовало.

Но слава Демидова грѣшила еще долго. Въ немъ между прочимъ подвизалась знаменитая Blanche Danlo, которую одинъ знаменитый мировой судья призналъ было на 43 ст. Устава о явля...

составили наив соединенные с соблазнами публичных дѣлъ (преступств) не свыше одного тысячна или десятичное вычисленіе выше 100 рублей). Но дѣло было потушено...

Мать классическій писателя, другъ и сверстникъ корреспондента литературы прошлаго вѣка, Д. В. Григоровичъ, авторъ сентиментальнаго „Антоня Гереминъ“, былъ въ то же время удивительной скромности. Каждое дѣло оѣ указывалъ на свою малую пользу. Внѣмъ, а дѣла описывали случайно заглянули здѣсь. И потъ тогдашній петербургскій губернаторъ Лутковскій, никогда не покидавший столичный, человекъ чрезвычайнаго добрый и любезный, успѣвалъ Григоровича съвѣщать въ Демидовъ залъ.

Вотъ какъ мнѣ передать Григоровичъ свои впечатлѣнія:

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ извѣстной книгѣ „Голоса Манушкова“ приведены интересныя замѣтки объ А. Я. Охотниковѣ (1780—1807) ст.-ротмистрѣ кавалергардскаго полка и объ его романѣ съ императрицею Елизаветой Алексѣевной.

„За два года до своей смерти Охотниковъ влюбился въ одну даму высшаго свѣта.

По семейному преданію Охотниковъ все въ драматическая исторія произошла слѣдующимъ образомъ:

Мужъ, самоупокоенное лицо, не заирая на красоту, молодость и любовь къ нему своей женой, часто измѣлялъ ей. Ко времени ея сближенія съ Охотниковымъ она была окончательно покинула своимъ мужею, который открыто ухаживалъ, даже въ ея присутствіи, за одной дамой того же круга. Про эту связь говорилъ весь Петербургъ. Иные не находили ничего въ томъ удивительнаго, считая забытую жену за слишкомъ серьезную и скучную, и вполне оправдывали легкомысленность мужа; другіе смотрѣли съ сожалѣніемъ на молодую женщину, переносившую съ достоинствомъ это тяжелое и незабвенное оскорбленіе. Между такимиъ былъ и Охотниковъ. Чувство Охотникова возросло отъ сознанія, что оно никогда не встрѣтитъ взаимности, такъ какъ въ Петербургѣ всѣ говорили о неистинности молодой женщины и любви ея къ своему мужу.

Но, вѣроятно, послѣдняя измѣна переполняла душу германской молодой женщины, и, покинутая, одиокая, она нѣсколько забыла взгляды молодого офицера. Въ нѣхъ она прочла глубоко скрытое чувство любви и сожалѣнія къ ней; вѣла эту симпатію къ ея несчастью, она сама утѣшалась. Любовь нѣхъ продолжалась два года. Наконецъ, наступилъ роковой день: осенью 1806 года, при выходѣ изъ театра, Охотниковъ былъ кѣмъ-то раненъ въ лѣвое плечо. Подозрѣніе его пало на брата мужа любимой женщины. Послѣднее время тотъ неустойно сдѣлалъ за своей невѣстою и, какъ думалъ Охотниковъ, преслѣдовалъ ее своею любовью.

Раненнаго Охотникова привезли домой безъ чувствъ. Принявъ себя и увидѣвъ ужасъ окружающаго, онъ просилъ вѣдать дѣлу огласки. Присутствіа думала, что произошла думка, и, давъ строгость закона относительно послѣднихъ, молчала, боясь повредить своему барину.

Несмотря на старательный уходъ, рана не заживала, и черезъ три недѣли докторъ убѣдился, что никакой надежды боате не оставалось.

Чувствуя близкую кончину, Охотниковъ рѣшилъ принести въ подарокъ свои дѣла: онъ вызвалъ въ Петербургъ своего брата, который отъ этого и не зналъ даже о его болѣзни. Между тѣмъ, несчастная женщина, зная о положеніи своего возлюбленнаго, только и думала о томъ, какъ его похитить. Наконецъ, въ помощь своей сестры, ей удалось устроить это свиданіе. Черезъ доктора она предприняла боольшую о своемъ послѣднемъ. Свиданіе было назначено въ 9 часовъ вечера. Охотниковъ, какъ потребовалъ, чтобы его одѣли въ куртку и чтобы комнату убрали чистѣе. Тяжело было молодой женщинѣ видѣть страшную переизмѣну въ молодомъ человѣкѣ, но, зная, что всякое возмѣе ему вредно, она старалась быть покойной и даже, улыбаясь, говорила о возможности счастья въ будущемъ. Наступала минута расставанія. Понимая вѣную просьбу больного, молодая женщина подождала его въ губы. — Я умираю счастливымъ, — говорилъ онъ, — но дайте мнѣ что-нибудь, что унесу съ собой. Любовь въстала ужалъ ему на грудь... Молодая женщина вышла изъ комнаты. Умиравшій спряталъ голову на сѣрѣхъ. Отвѣненъ счастливо возбужденіе и радость свиданія, и Охотниковъ впадалъ въ безсмысленность. Только въ утру онъ привелъ въ себя и потребовалъ сивахива. Принимая Святѣла Тайна, Охотниковъ призналъ своего брата и просилъ его похитить съ нимъ въ гробъ золотой медальонъ, кожно, которое оѣ носила, и локонъ. Потомъ передалъ ему черную лаковую шапку съ золотой застежкой и вѣлѣлъ ее передать послѣ его смерти другу, котораго назвалъ за ней.

Смерть Охотникова едва не стала женой несчастной женщины. Не боясь боате за него, она открыто предалась своему горю. Глѣхъ, мужа ее уже не страшила, и она рѣшилась узнать въ послѣдній разъ останки любимого человека. Въ сопровожденіи своей сестры, въ глубокомъ траурѣ она вечеромъ поѣхала на его квартиру. Предупрежденный запертъ, нѣхъ встрѣтилъ брата покойнаго, который, проводивъ извѣстѣ дамы къ ком-

Возвук... Три браннамура... По угламъ сонны растукъ... Котаны конекъ... Проникнулъ дождь... Въ — полъ зонтика... На встрѣлъ томиста, ослѣпша французскаго поэта:

„Je suis la petite violette de la vallée“.

А Лутковскій восклицаетъ: „чего-же еще нужно?... Возвукъ бѣлѣвическій. Музыка! Нѣмѣ... Не правда-ли — хорошо?“

Д. П. Григоровичъ никогда зарикъ мѣва своею дружбою. Въ моей памяти сохранилось множество его повѣстей, замѣчательныхъ расказовъ. Не знаю, сдѣлаю-ли и соберусь-ли ихъ передать. На-которые изъ нихъ настолько приятны, что и до сихъ поръ могутъ кое-кого очаровать...

С. Андреевскій.

нату, гдѣ покосился умершій, оставалъ нѣхъ одиока. Позволя къ гробу, молодая женщина опустилась на ковшъ, долго плакала и молилась. Вставъ и приложившись ко лбу покойнаго, она вышла изъ комнаты.

На другой день ее сестра прѣхала къ брату Охотникова и просила ея передать шапку. Получивъ шапку, она обратилась къ нему еще съ просьбою разрѣшить поставить памятникъ на могилѣ покойнаго. Въ, вѣхъ, не откажется уступить нѣхъ права? Другъ желѣлъ сдѣлать этотъ грустный даръ памяти покойнаго.

Черезъ шесть мѣсяцевъ на могилѣ стоялъ памятникъ, изображавшій скалу со спускающимся грозомъ дождя; въ дождь скала на ковшѣхъ женская фигура въ покрывалѣ держала въ рукахъ погребальную урну.

...Въ расказѣхъ свекрови проглядываетъ затѣнное недоброжелательство къ невѣстѣ и оправданіе сына: „Конечно, она очень умна, но недостатковъ въ ея томъ, что она очень нестойка и холодна, какъ лѣхъ; безъ сомнѣнія, она могла бы быть очень счастлива съ своимъ мужею, исполняющимъ каждое ея желаніе, но у него любивше сердце, а оно очень холодно“.

Говоря о послѣдней связи своего сына, она снова вѣхтъ невѣстѣ: „Она сама виновата; она могла устроить эту связь и даже сейчасъ могла бы еще вернуть мужа, если бы захотѣла примѣниться къ нему, а она сержалась на него, когда онъ приближался, чтобы похитить наго моласкаться се, она бывала груба съ нимъ... Онъ оба очень виноваты, но мой сынъ былъ вынужденъ искать связей на сторонѣ, которымъ его жена могла бы помѣшанъ... ея мужъ говоритъ ей все, она все знаетъ“.

Послѣ многихъ паузъ и недомолвокъ свекрови, наконецъ, рѣшилась раскрыть своему собеседнику, что ее невѣстка была невѣрна своему мужу и что послѣдній ребенокъ былъ отъ „красавицы Охотникова“, смерть котораго едва не свела въ могилу мужа. „Я никогда не могла понять отношенію моего сына къ этому ребенку, отсутствія въ немъ вѣжливости, къ нему и къ его матери. Только послѣ смерти дѣдушки, повиралъ онъ мнѣ эту тайну. Что его жена, признавшая ему въ своей безвѣрности хотѣла уйти, ухаживать и т. д. Мой сынъ поступилъ съ ней съ величайшимъ великодушіемъ“.

Далѣе она расказала, что на могилѣ Охотникова воздвигнутъ дорогой памятникъ, который не могли поставить негодные родственники: „Думаютъ, что это мой невѣстка свела его похитить, и что она должна вѣдѣть туа“...

Нѣмские журналы одурмивали въ боольшой нѣхъ мѣшавшей степени пантеизмомъ; встрѣчаются все же такіе, которые стараются быть безпристрастными, независимыми и отдаютъ здѣленое пренебрежѣмъ врагамъ. Но какъ дѣлать, такъ и которые, отлучаются боольшинствомъ на выборъ сюжетовъ и авторовъ и серьезнымъ, дѣловымъ тономъ. Отсюда современныя событія должны быть, нѣмские журналы не забывали говорить о и будущемъ, пытались, по силѣ возможности, не столько его предугадать, сколько къ нему подготовиться. Война, безусловно, когда нибудъ да кончится, а послѣ войны многое измѣнится, какъ въ психикѣ народовъ, такъ и въ ихъ социальныхъ и политическихъ строяхъ. И необходимо подумать объ этомъ будущемъ, если мы хотимъ, чтобы оно не эстнило насъ въраспѣхъ.

Для меня это будущее представляется въ мѣнѣ томкомъ цѣлѣхъ, чѣхъ для многихъ мѣнѣхъ современности, любившихъ говорить о нѣмко-то крушеніи европейской цивилизаціи, это мѣнѣе и чертѣхъ изъ окружающей жизни, въ которой, вопреки всему, существуютъ достаточное количество здраваго смысла; а его маюку и въ нѣхъ же самыхъ нѣмскихъ журналахъ, гдѣ наряду съ важными пренебрежѣмъ къ праву и справедливости, встрѣчаются многочисленные призывы къ миру всего міра, къ боювой работѣ на бошей нѣхъ культуры и цивилизаціи.

Извѣстнѣе къ полюбому настроенію многихъ можетъ служить расказъ, какъ въ нѣхъхъ нѣмѣхъ встрѣтились линомъ къ линомъ, нѣмскихъ линомъхъ провозвѣщихъ загражденъ, два замѣчательныхъ друга: знаменитый французскій нѣстель Шарль Пегъ и вѣхъстивъ нѣмскій балетистъ Эрнстъ Стадлеръ. Сидя въ окопѣхъ они переписываются между боюхъ. Стадлеръ пишетъ Пегу: „Мой дорогой! комага и товарищъ...“. А Пегъ отпичаетъ: „Мой другъ, я не понимаю васъ, но я васъ люблю...“. Эту асторію переписку нѣкоторые считаютъ вымышленною, но Пегъ и Эрнстъ

показать из одного из номеров журнала „Die Action“, что старый Франц Бейе утешался записки, написанные по-французски писателем, нашедшим на груди убитого героя. Они уверяют, что после войны сибь будут печататься.

Конечно, скептики не премнут показать племянника. Этого современного варианта истории Кастора и Полюкса покажется выдуманным. Но пусть это даже апокрифично. Уми, породивший его, не зашел за пределы возможного, и мы должны помнить, что даже теперь, поверх брешки оружия и идеологизированности, ярко слышатся то абы, то там свободный дух человека, исходящий от источника чистой мысли и чувства.

Одним из немалых ортвован, наиболее усердствующим, из описаний существования атмосферы в области духовного общения, является именно журнал „Die Action“. К той же благородной цели стремился и монтезийский „Forum“. Но ему не посчастливилось: из конца прошлого года он был закрыт цензурой.

Скажу за себя, что „Forum“ была тот самый журнал, основанный Вильгельмом Гершомом, который печатал статьи Романа Ролана, манифест „Anti-Orientalismus“, манифест каталонских писателей и публицистов и горный протест афинского драматурга Артура Шнитцлера, которому приписывались разного рода несправедливости по адресу Толстого, Метерлиха, Анатоля Франса и Шекспира.

„По окончании войны...“ пишет Шнитцлер — мы будем вспоминать с тяжелым чувством, что было время, когда нам приходилось переключаться через границы, когда мы принуждены были кричать друг другу, что хотя мы и любим нашу родину, но все же не забываем чувства справедливости, благодарности, обоюдного понимания, что даже во время полной умственной разрухи мы сохраняем чистоту ума и здравого смысла“.

„Die Action“ довольно легко пропихивать над икотными панграммическими органами печати, вроде журнала „Merg“, который не перестает говорить о каком-то „культурном упадке“ Франции.

„Конечно“ — пишет „Die Action“ — ничего нить легче, как доказать культурный упадок Франции. Для этого стоит лишь процитировать несколько имен, как из области литературы и чистой науки, так и из мира искусства и прикладных знаний, и посмотреть, что все эти господа сделали за всю свою жизнь. Начнем с первых годов XIX столетия. Что же мы видим? Около 1812 года жили и работали в Париже: Кюппе, Лавуазье, де Кандолль, Гю-Лессаж, Жюль-Сенс, Иоганн-Андре Ампер, Дотриш — столпы современных естественных наук, асьми признание. В литературе: Жюль, Виктор Гюго, Бальзак, Сент-Без, Мюссе и т. д. В искусстве: Энгр, Делакруа, Рюль и пр.

„Но это, говорят, была эпоха расцвета. Упадок начался с середины прошлого столетия. Хорошо, возьмем и эти годы за точку отправления; картина получится следующая: в 1850 г. Папье строит первый аккумулятор, в 1859 г. Пастер обновляет свою теорию брожения. В 1863 г. Леверье чертит первую метеорологическую карту. В 1865 г., благодаря Брода, зарождается френология. В 1877 г. Кайз и Пикт производят ряд опытов над сифилисом газом. В 1888 г. Лаврентье находит бациллу малярии. В 1882 г. Бертиолью основывается антропометр. В 1885 г. Муассон производит первый искусственный бриллиант. Несколько позднее Пастер делят прививки против бешенства. Благодаря работам Беккера (1890), открыты беккерелевы лучи и урановый калейдоскоп. Два года спустя, чета Кюри находит радий. Кроме этого, по Францу за тот же промежуток времени выдаются: новый тип двигателя, маргариты, фотоплю, бронированный крейсер, танкеры, бездымный порох, автомобиль, кинематограф...“

„В литературе за это время подлинными: Флобер, Мопсан, Золя и др.; в искусстве: Мане, Пювье де Шаванн, Альбер Бонар, Карпо, Сент-Санс, Туво, Биз, Клод Дебюсси...“

„Вот какими образом доказываются „культурный упадок“ Франции“.

К сожалению, как и уже говорил, заравнивающихся и безразличных журналов в Германии немного. И если точнее, по изданию изданий, тетради „Blätter für die Kunst“, редактируемые Сребном Георгом, этим извещением Верселем, даются нить времени и пространства, интереса чистому искусству и печатаются похвалы, похвалюющую личностям сюжетами и пейзажами Эдмунда, то что сказать и размышлять „Gegenwartige Kunst“, „Grenzboten“, „Süddeutsche Monatshefte“ и т. п. журналах, задевающих нас от новизны и новизны.

Мне хотелось бы закончить эту заметку цитатой, которую я нахожу в отечественной лекции, прочитанной редактором „Ethische Rundschau“, Маргусом Шапке, в Дюссельдорфе 26 июня прошлого года:

„Хотя каждый народ и имеет свои национальные черты, но эти черты не такие, как те, которые национальные черты других народов. В каждом народе можно найти пороки и добродетели, качества и недостатки, известную долю культурности и известную долю варварства. Каждому народу из зависимости от его особенностей отведено особое место в общей работе цивилизации. Но один европейский народ не может быть уникен без того, чтобы человечество не пострадало от этого из своей совокупности, и никто из них не имеет права навязывать другому свои национальные черты. Никогда не было и никогда не

будет такого народа, чьи добродетели могли бы служить примером для человечества и могли бы исканить его от бедности. Лишь из сотрудничества всех народов сообще может достигнуть будущего счастья человечества и действительно роста цивилизации“.

Лектор.

Начал выходить журнал „Пестель“, посвященный главным образом кинематографии. Между прочим, в нем помещены заметки о „парском батре“.

Съездившись пор, по установившемуся обычаю, один раз в год, уральские казаки произвели в Урал ловлю багрянцы острогом и блуги. Эта рыба из Каспийского моря для метания икры поднимается выбирать по ркам и мается на зимовку в казобенных мстах — „донках“. Таких мств очень много около города Уральска.

Часть выловленной рыбы и добытой из нее икры посылается к царскому столу; почему и самое багрянце называется „царским“ и носит характер торжества.

Како багрянца казаки долго готовят...
Наставь долгожданный день.

Казаки накладывают особый костюм — бланя непромокаемая широкими, тропотливо прощущаясь с семьей, вынимают по чарам волей и отползают к ркам.

С раннего утра берега Урала устали народами: тут и лодки, и масса зрителей. Жуть пришла атамана по сигналу которого начинается багрянце. Сигналом служат выстрел из пушки. Некоторых рымьих кощов трудно удерживать на берегу, но за ними строго следят конная стража.

Пушечный выстрел прекращает томительное ожидание. Черной лавной казаки устремляются к ркам, многие падают, неосторожные ранят своих сослдей острыми орудиями, и рка мгновенно превращается из кипящей лавой муравейник.

Казаки, соединившись в небольшой арте, пробивают плещины льда и начинают покусывать багрянца рыбу. Казак, зашвырнув багрянца рыбу, кричит: „Скор! Скор!“, ка неку сбегаются товарищи и рыбу вытаскивают на лед. Блуги, в 20 пудов и более, представляется целую дюбчу, особенно жаркая, так как в ней иногда бывает до пуда и более икры. Казак, забавляющий такую рыбу, является героем дня. Его поздравляют, ему закупают.

К багрянцу съезжаются много купцов, покупающих чисто рыбу, а темную, когда она еще не вытаскивается. Иногда купцы и ошкетые, но чаще бывает из казак, казак, получая 100 рублей ивстр значительно большей суммы.

Рыбу, предназначенную к царскому столу, укладывают в сани и везут в особый „презентный амбар“, где из нее добывают икру.

Вот, казало-бы, куда, между прочим, должны обратиться свои внимание фирмы, изготавливающие кинематографические ленты, а не сбаку исключительные вкусы толпы, все увеличивающееся количество пошляков „сценариев“. Вкусы воспитываются сеной, а не сено должно идти за ними.

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА.

Борьба на фронте, борьба за тыл и... даже среди художников.

„Весенняя“ открылась после побед „обвинников“ из „кунджистов“, державших прежде бразды правления этой выставки.

К чести любителей нужно отметить, что они отнюдь не запустели своей побой и оставили среди них курьезности получения прекрасных, светлых мств, и то время, как втормости нть „обвинн“ несли на помурку у самого пола.

Большое, сие же декоративное панно, чья картина представляла выставленного конста Шмарова — „Син блый вон“ помещено было в стучерном Екатерининском зале, и то время, как для него нужна была света, чтобы дать всю массу синих тонов, из которых света розово-желтежные тла атакует. Радомь хлопоты, гримасничанье, длаются семь автопортретов Вяшнина...

Полную противоположность широкому, размахистому мастерству Шмарова представляет „Портрет Н.М.С.“ Ильяша. Спокойная, утренняя, истолково старомодная манера, зашь идущая из эпоху старинному повсюду мелку латан.

Окостенелые атласы сир фресок, кр. Салсо-Нерасиди Модорова. Блшй иконописец, по окончании Казанской художественной школы доступил в Академию, все же остался верен родной древней иконописи и его невольно влечет к былому русскому искусству.

Наторую жежиданностью являются два небольших интимных пейзажа Маслова „Гус“ и „Куст сирени“. Обыкновенно Маслова жаль как-нибудь армянскими гусами, гусами Арта, и тут Маслов как бы бундильных гусами и штурмуются тошей сирени! Впрочем, у него есть еще портрет таковой

довшим Мальвины Вернички, въ которыхъ улавливается прелесть Московскаго съ его увлеченіемъ птицами. Эту же тему охотнику изобразилъ и Савицкій. Камешный рисунокъ эскизничного лица аталантики действительно интересенъ.

Наконкурсной выставкѣ минувшаго года выдѣлялся портретъ г. Курлякова, Ичико. Теперь тотъ же авторъ выставилъ не менѣе удачный портретъ г-жи Курляковой. Въ такой же манерѣ старшій мастеръ написалъ Заверина, портретъ художника-архитектора С. П. Иванова.

Среди другихъ работъ въ этомъ жанрѣ выдѣляется «Портретъ ма-л-го Третьякова» Антиповой — Ковалевской, выдержанный въ черной гаммѣ. «Портретъ» Свирига и три элитныхъ превосходныхъ портрета Эбергарта — А. С. Ротшильда, Л. С. Пеняковой и Л. Н. Алексеевой. Въ его робкой, гонимой манерѣ письма, красивого въ своей утонченности, чувствуется европеецъ, далекий отъ «чернозема» вродѣ Драгаченко съ его диванцами.

Харитоновъ, выставивъ большое полотно «Прозвонъ», получившій въ минувшемъ году премию отъ Общества Поощренія Художествъ. Въ другой его картинѣ «Мать и дитя» (названіе патетическаго явленія въ мигу Жужа) — молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ стоитъ на темно-зеленомъ фонѣ рождественской сѣни. Хотя и чувствуется пораженіе Цорну, во все же что удачно и гораздо удачнѣе Шалникова въ роли Бориса Годунова. Впрочемъ, говорить, что весь портретъ былъ законченъ въ три сеанса.

С. Н. Виноградовъ. Письма...
Выставка Союза Худож. 1916 г.

З. Е. Серебряковъ.
Крестьяне въ полѣ.
Выставка «Миръ Искусства»
1916 г.

Среди пейзажей въ жанрѣ Лахонскаго обращаетъ вниманіе — «Въ мастерской скульптора», Мотковъ. Избитый — застигнутый отъ коноды въ неудобной позѣ модель и створчатый шедевръ молодой художницы, но написано все правдиво и тонко, и за эту работу художнику присуждена первая премія по бытовой живописи на конкурсѣ Общества Поощренія Художествъ.

Много свѣта, активного теня и воздуха у Савицкаго — «Гдѣ гуляетъ нѣтъ омутокъ лозы».

Красиво фантастическое освѣщеніе рамы въ этюдѣ Чепцова «Г-жа Люкомъ и г-нъ».

К. Е. Мановскій. Старый Доминикъ.
Выставка Передвижниковъ 1916 г.

Вильямакъ. Ловкій кавалеръ элитантно поддѣрживать голову въ ухватѣ воздушную балерину, но Люкомъ не полагаетъ на себя. Конфетно-однообразны головки въ арешникъ русскихъ уборовъ Кулакова.

Эффектно вечернее освѣщеніе — «Пирсъ въ узломъ городѣ» Заверина. По утонченной элитантной манерѣ — это чисто парижскій этюдъ.

Скандальною за Лахонскимъ премію по бытовой живописи получилъ Шелковскій за «Панорама былинъ».

Можно только удивляться синхронизированности жанра, допустившаго названіе публичной «Жертвы германцевъ» Шафрова.

Пейзажи преобладаютъ здесь, какъ и прежде, и на сей разъ остальныхъ выставкахъ. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ С. Колесниковъ, получившій вторую премію въ 500 руб. имени принцессы Евгении Максимовны за большую картину «На пашнѣ».

Борис Григорьев. Мать.
 Выставка "Мир Искусств" 1904 г.

За Колесниковых идет Веселовъ тоже, къ сожалѣнью, окончательно остановившись на пейзажѣ.
 Пейзажемъ стали увлекаться даже такіе присяжные любители жанра, какъ Дудинъ; возмѣтъ нагихъ преставницъ оныхъ выставилъ

Е. М. Чепцовъ. Е. М. Люкомъ и Г. Вильгасъ.
 Премія имени А. Н. Врунджи на конкурсѣ въ Акад. Художествъ.
 Весенняя выставка 1906 г.

М. Н. Панинъ. Портретъ жены художника.
 Весенняя выставка 1905 г.

Г. Н. Горіловъ. Этюдъ.
 Весенняя выставка 1905 г.

„Ельницъ". Много работъ Бродскаго съ его разнообразной манерой письма — „Лѣто", „Перехъ дождей", но лучшія его вещи выставлены въ „Союзѣ".

Особившимъ группировкою этакъ Панетина, сделанные во время путешествія съ экспедиціей Сырова. Хотя дачекъ Сѣверъ уже знакомъ по работамъ Борисова, все же зафиксированныя изъ маювѣнскъ холстахъ, непосредственныя наблюденія и впечатлѣнія участника экспедиціи представляютъ не малый интересъ, особенно попытки передать сѣверное свѣтло, полуполное солнце, ясный лѣтній день...

Ал. Мамонов. Пашинский стол.
Выставка Передвижников 1914 г.

Н. П. Богданов-Бельский. Портрет
Л. П. Месакуд-Баранов.
Выставка Передвижников 1916 г.

У ПЕРЕДВИЖНИКОВЪ.

(14-я выставка).

Нить „гвоздей“, во средин многочисленных пейзажей и портретовъ есть одна „заплата“, о которой можно говорить. Это „Взгляду съ сестрой“ Рянина. Манера фельетоннаго характера только профанируетъ возвышенныя сестры милосердия.

Удивительно, какъ это многочисленные друзья и поклонники „чистаго мистра“ не убедили его вовремя снять картину.

Во портретахъ Венгеровъ и Самоилова, несмотря на крупные недочеты, все же чувствуется прежний Рянинъ.

Портретовъ на этотъ разъ вообще много. Интереснее, во поддержанной гаммѣ розоваго туалета, портретъ артистки О. В. Гвоздской—М. Зинцера. На фонѣ зимняго пейзажа красно личико Л. П. Баранов-Месакуд, Богданов-Бельскаго.

Рянинъ-де написалъ художника Сварога подлѣ испанскаго гитариста, съ огромной гитарой; въ свою очередь Сваросъ изображенъ сына знаменитаго отца съ палатрой въ рукахъ, какъ и подобаетъ художнику.

Своеобразной извергой писма выдѣляются дамскіе портреты Келина.

Съ присущимъ В. Маковскому блестящимъ мастерствомъ изписаны небольшие жанрики „Отъ причастія“, „Рѣдкій экземпляръ“, „Послѣдній извѣстнъ съ войны“ и полный жизни у толковаго изобразителя—„Ресторанъ“, гдѣ въ произмеченномъ воздухѣ мелькаютъ типичныя фигуры „отъ Доминика“.

Богдановъ-Бельскій върѣнъ своимъ мужикамъ; на этотъ разъ они читаютъ „Телеграмму Верховнаго Главнокомандующаго“. Картина большая, но какія то стран, невыразительныя; больше

П. И. Келинъ.
Портретъ
Выставка передвижниковъ
1916 г.

П. И. Петровичъ.
Красная площадь.
Выст. Союзъ Худ. 1916 г.

фот. К. Савицкий.

Силуешь съ натуры. Г.*.* со своимъ
улыбскимъ догомъ.

Магда Густавовна Орлова, рожд. барон. Ливень.

Собаки: „Лажик“—той-терьер; „Пуфя“ и „Фифа“—малтийская болонки; „Доня-Максимилиан“—шотландский терьер.

(„Доня-Максимилиан“ с большим умным „лицом“, из которого отразилась мировая скорбь; дома его зовут просто „Максом“—но по аттестату его имя длинное и важное, именно „Доня-Максимилиан“, что и подобает такому мрачному строгому псу. Представитель этой породы очень немого из России, всего 3-4, а в Англии эта порода становится очень модной и поэтому, конечно, дорогой).

Соб. фот.
„Стояны и Усоби“.
Снимал
Я. В. Штедлер.

„Эресь“—I картина (М. Ф. Киселовская и П. М. Владимировъ).

балковъ эстетичная дѣла напоминаютъ скорѣе какой-нибудь итальянскій курортъ, чѣмъ пыльный душный Симферополь.—„Вечеръ въ Симферополь“.

По силѣсти колорита и по трудности художественныхъ задачъ близко подходитъ къ нему Виноградовъ. Его стоящая въ дверяхъ „На солнцѣ“, женская фигура насквозь пропитана яркими лучами и вся даже транспарантна въ своей красной кофточкѣ, съ южными загаромъ и изъумрудно-лиловыми линіями.

Мари Здзитъ Бенеръ (съ послѣдней фотографіи).
(См. стр. 11).

Не менѣе сильно, чѣмъ дѣлать день передать имъ „Вечеръ“, гдѣ при свѣчѣхъ задумчиво сидитъ эстетичная фигура, напоминающая отчасти Дузе. Обѣ картины будутъ воспроизведены въ краскахъ въ „Ст. и Ус.“.

У Пастернака большая декоративный портретъ „Поздравленіе“: группа чистенько одѣтыхъ, какъ и подобаетъ такому случаю, „молодыхъ людей обоего пола“, кого-то привѣтствуютъ стизами и цѣлуютъ. По торжественному выраженію лицъ можно догадаться, что

это, вѣроятно, престарѣлый дѣдушка или бабушка, но это все же догадка—мѣста виновнику этого счастливаго торжества на холстѣ не осталось. Для картины, да еще съ такимъ „семейнымъ сюжетомъ“, размѣръ слишкомъ великъ; если же это декоративное панно, то выборъ темъ еще болѣе странный, да и исполнено все это какъ то деревянно и безжизненно. Гораздо удачнѣе эффекты вечерняго лампового освѣщенія—проектиръ Пастернаковскій мотивъ, или портретъ Сарры Паскуи Алесовой. (См. табл. №).

Кромѣ пейзажей, значительно уступающихъ предѣльнымъ Жуковскій дѣла необыкновенно яркій уголокъ стариннаго туалета. На фонѣ плоской, небрежно измалеванной желтой стѣны, красное дерево горитъ до ослѣпительности. Хотя въ стоящей въ немъ вѣдь преобладаютъ лиловые колокольчики, но называется этотъ intérieur „Настурция“, вѣроятно въ отличіе отъ другого просто intérieur'a, гдѣ въ пестро убранный старинной комнатѣ сидитъ у стола женщина въ яркой, цѣлѣной палѣ.

Написано все это сильно, ярко, но при такомъ мастерствѣ хо-

тѣлось бы вѣдать что-нибудь болѣе крупное и серьезное жѣмъ, все это nature morte или intérieur'ы, которыми загромождены выставлены всѣхъ направленій. (Обѣ будутъ воспроизведены въ краскахъ въ „Ст. и Ус.“).

Бродскій далъ рядъ болѣе крупныхъ и выразительныхъ картинъ, въ которыхъ есть дѣлательность, подкупающая своей простотой и искренностью. Пензаны Васильева, по сравнению съ другими, плоски и без-

К. Д. Богуславская. „Вышивки“.

Выставка „Миръ Искусства“, 1906 г.

Главный храмъ ученыхъ въ Бостонѣ (С. А. III).

слова У. Крымова до-гобелесная, инстинктивная мажора. Пыль один из же утолщи, что а из про-палошь году. Неряшли-вый Пырьов сь безгра-мотнымъ рисункомъ соперничаетъ, во части грязной палитры, съ Пе-тровичевымъ, у кото-рого хорошй расунокъ подавленъ этимъ гряз-но-сбырымъ coloring-омъ. И цветы, и пейза-жи, съ веселыми нан-дешними мотивами, все это пропитано этой гряз-ью. Работы Туржан-ского итды не отпа-даются отъ процвета-ющихъ, тѣ же мотивы, тѣ же краски, тѣ же ле-гковжия манера. Одно-образенъ и Степа-новъ съ скро-санно-вымъ небомъ, снѣгомъ, волками и санями.

П. Д. Шмаровъ. Бѣлая ночь.
Весенняя выставка 1916 г.

Небольшіе „перла-мутровые“ этюдыки Венечкии напоми-нають о безвремен-но умершемъ Пер-лузинѣ. Несмотря на однообразіе мотивовъ у него все-гда чувствовалась особая любовь къ искусству и его вдохновенность итды.

Блѣдые, блас-совитые тона Се-редина отягчено пере-даютъ разноцвѣт-ную гамму отти-ковъ дупастаго го-рошка. Вѣтиско-лыхъ пейзажахъ Кайота чувствуется большой итдыный мастеръ, близкій во-духу Левитану, а по манеру и колориту, напоминающій лучшій вренедъ По-дкова.

М. М.
Зайцевъ.
Портретъ
артистки
О. В.
Гвоздской.
Выставка
Передвижн.
1918 г.

А. Д. Кайгородовъ. Весенняя сказка.
Весенняя выставка 1916 г.

Остроумный Шерболев ограничился двумя безобидными и ве-село же содержаниями шаржами „Снѣжокъ“ и „Нижель“, а жаль! оны одинъ изъ самыхъ тонкихъ и оригинальныхъ карикатури-стовъ и могъ бы доставить истинное удовольствие, иллюстрируя современныя застрѣсы.

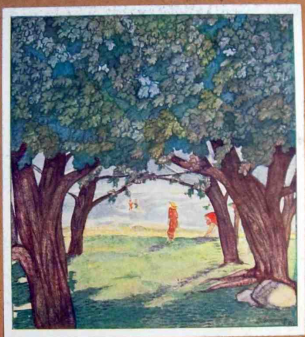
Лѣтъ скульптуры Судбинина, изображающія Павла въ „Жи-деи“ и „Вакханалии“ не выходятъ за пределы „Вѣнской бронзы“ отъ Треймана. Мраморы Крамлевской указываютъ на упорную работу и значительныя успѣхи. Особенно портретъ г-р. Ал. Тол-стого.

Подобно театру въздая художествен-ная выставка житье свое о предѣльномъ „явно“.

Кажется бы, что изобразіе ремесленного характера пейзажей, „мертвой натуры“, на-водящее на мысль, что-то такое время, отсут-ствие серьезности, итды-ныхъ вещей и общія небрежныя манерность должны были бы сло-бить всякую нидиан-дуальность. Но итды, различіе между ними бесспорно существу-етъ, а это „свое лицо“ чувствуется у москви-чей...

С. К.

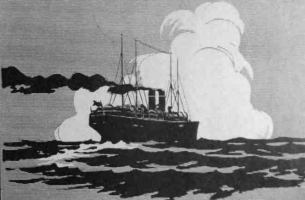
П. И. Титовъ.
Перель жаровни.
Выст. Передвижн.

„ДУБКИ ВЪ СЕСТРОРЪЦКЪ“

**БЮРО
ПУТЕШЕСТВИЙ БЕННЕТТЪ**

Петроградъ. Невскій, 12. Тел. 142-62.

Наибольше безопасный, скорый и комфортабельный путь между
РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ
НОРВЕЖСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ЛИНІЯ
— РОССІЯ-НОРВЕГІЯ-АМЕРИКА. —

КОМФОРТАБЕЛЬНЫЕ БЫСТРОХОДНЫЕ ПАРОХОДЫ:

„Христиансфюрдъ“ отходить изъ Бергена 4/17 мая, изъ Нью-Йорка 21 Мая (3 Іюня). „Бергенсфюрдъ“ отходить изъ Бергена 25 Мая (7 Іюня), изъ Нью-Йорка 11/24 Іюня. „Христиансфюрдъ“ отходить изъ Бергена 15/28 Іюня, изъ Нью-Йорка 2/15 Іюля.

Билеты на песь наирянутъ. Треб. подробн. сидѣній.
Бергенъ—Нью-Йоркъ 8 1/2 сутокъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ БЪГОВОЕ ОБЩЕСТВО.

1 рядъ: Александровъ Ф. А., Паске В. К., Брайловскій В. М., Пушищъ К. Н., Ионовъ Л. Д., Панчу-
 ладзеи Н. А., Вахтеръ К. Л., Левашевъ Д. Д., Выхуловъ Н. А., Березовскій А. А., Смирновъ
 М. М., Незавяжскій Н. Г., Вильсонъ Л. Л.; 2 рядъ: Ильенко М. С., Дюперонъ А. А., Балдинскій С. И.,
 Ростовцевъ С. В., Паласоловъ А. Х., Капинскъ гр. А. В., Зотовъ А. А., Шацъ Ф. И., Ильинскій А. А.,
 Дмитренко И. И., Озолъ К. Х., Курдюмовъ Г. М., Рыжжикъ Н. Г.; 3 рядъ: Шитовъ М. А., Богдановъ
 Н. В., Жуковскій А. А., Лутцъ Г. М., Аверьяновъ И. Г., Ивановъ Г. Н., Чесмеринъ А. А., Штейн-
 гейль бар. Н. Н., Олявникъ С. С., Болинъ А. Г., Грейфъ Г. Х., Собоинскій Л. А., Воронцовъ-
 Дашковъ гр. И. И.; 4 рядъ: Посильновъ К. В., Виземскій кн. В. Л., Гейверъ М. А., Оболенскій П. В.,
 Брейтманъ М. К., Поповъ Н. Н., Вирскій Л. И., Кераль П. А., Правдовскій Р. Р., Прохоровъ
 Поповъ А. И., Ковалевскій В. В., Вернеросъ Р. Г., Ольшанскій Я. Е., Васильчиковъ кн. Н. С.,
 Сидиневъ В. Я., Лозинскій Л. Я., Виземскій кн. Л. Л., Богдановъ-Балдинскій Н. П., Татаровъ кн. А. А.

ИЛЛЮСТРАЦИИ „ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА“.

(См. обложку).

Отъ двадцатыхъ годовъ до нашихъ дней иллюстрацій пушкинскаго текста вышло много, и среди нихъ есть вещи значительной художественной цѣнности (напомнимъ читателю имена Галактионова, Соколова, Еремлова, Рѣпина, Бенуа, Врубеля, Сомова), но въ цѣломъ Пушкинъ не нашелъ еще иллюстратора, который пожелалъ-бы и могъ-бы стать рядомъ съ великимъ поетомъ. Теперь еще объ этомъ можно только мечтать, какъ мечталъ когда-то самъ Пушкинъ о „волшебной кисти“, и карандашѣ Толстого, и рѣзцѣ Уткина...

Достаю съ полки и раскрываю забытыя, пыляя сердцу одного только коллекционера папки и извлекаю изъ нихъ изображенія свиданія Онѣгина съ Татьяной.

Вотъ рисунокъ Шарлемана („Художественный Листокъ“ Тимме, 1862 г.) Онѣгинъ и Татьяна чрезвычайно безобразны. У нея верхняя губа и носъ почти одинаковой высоты, а онъ похожъ на помощника прискакаго похитреннаго изъ „бойкихъ“ или на начинающаго провинціальнаго актера-любовника. Лиро у него такое сердечное, что, когда онъ ухаживаетъ Татьяну (цитата подъ рисункомъ) въ безполезности ея совершенствъ, представляемыхъ алѣсь весьма слабо, вамъ становится немного жутко: а вдругъ онъ забудетъ, что слѣдуетъ дальше по Пушкину, и хватить ее сгоряча всей пятерней!

Еще хуже рисунокъ (политипажъ, гравированный, кажется, Гогенфельденомъ) въ составѣ фронтисписа къ изданію „Онѣгина“ Я. А. Исакова, 1864 г. Татьяна сидитъ на скамьѣ, склонивъ на бокъ какой-то круглый предметъ неопредѣленныхъ очертаній, который по капризу художника, долженъ замѣнить ей голову, Онѣгинъ представленъ громадной черной тѣнью пугающаго, погребальнаго вида, тѣлостное впечатлѣніе котораго усугубляется огромнымъ цилиндромъ такого фасона, какими отличаются факельщики, конвоирующие къ мѣсту похороннаго успокоенія мертвецовъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій.

Зато очень недурна вѣтхетка Коккова въ изданіи того-же Исакова, 1880 г.: рисунокъ точенъ и старателенъ, въ портѣ Татьяны хорошо выражены ожиданіе и робость, но неудаченъ приближающійся къ ней Онѣгинъ, безъ всякаго выраженія: „на челѣ его высокомъ не отразилось ничего“. Выступаетъ сомнѣніе: большая, хотя и дрянной работы, статуя, стоящая вглубѣ; ала-ли мелкокомѣстнымъ дворянамъ Ласковымъ были по карману такіе барскія затѣи.

Довольно хорошъ, хотя вѣскольо ниже средняго уровня талантливаго автора, рисунокъ К. Е. Маковского, приложенный къ школьному изданію Саломы, вышедшему въ 1884 г. подъ редакціей К. Козмина.

Отаратительныя вещи появились въ дѣтскихъ изданіяхъ и учебникахъ изданій сочиненій Пушкина. Онѣ еще тѣмъ отаратительнѣе, что предназначены воспитывать вкусъ дѣтей и простаго народа, каковое назначеніе исполняютъ уже добрую четверть вѣка, расходясь въ огромномъ числѣ экземпляровъ.

Въ одномъ изъ такихъ „полныхъ собраній“ Павленкова, на рисункѣ М. Малышева, Онѣгинъ театрално-лампучаго образа, стоитъ передъ Татьяной, грозно тыча указательнымъ перстомъ въ ее письмо, которое художникъ счелъ нужнымъ положить ему въ карманъ, когда онъ отправлялся на свиданье. Это усиливаетъ значеніе

словъ герой: „вы ко мнѣ писали, не отпирайтесь...“ Холодность-же Онегина къ Татьянѣ подчеркивается исключительнымъ ее безобразіемъ: фигура у нея деревянная, талія корова, а ротъ кривой. „Ой рожа, ой страшная рожа“!

Не лучше она и на старомъ рисункѣ Н. В. Самикова (Сочиненія Пушкина, изд. Вольфъ). Подпись гласитъ: „я прочла души довѣрчивой признанье“, но мы не испытываемъ особаго довѣрія къ довѣрчивости этой Татьяны: на видъ ей лѣтъ сорокъ.

Еще старше Татьяна въ изображеніи, которое создалъ неизвестный, уклонившійся отъ заслуженной славѣ для вышедшаго въ прошломъ году сытинскаго „Иллюстрированнаго сборника произведеній Пушкина для дѣтей старшаго возраста“. Глядя на эту страничку, дѣтя старшаго возраста придумается, чѣмъ могъ внучекъ (Онегинъ) такъ огорчить свою бабушку (Татьяну).—къ счастью, тутъ же помѣщенный текстъ выведетъ блѣдное дѣтя изъ заблужденія.

Но не совсѣмъ благополучно обстоитъ дѣло и въ изданіи, выпущенномъ съ заранѣе обдуманномъ эстетическомъ намѣреніемъ. Въ такомъ собраніи сочиненій Пушкина, какъ выпущенное въ 1899 г. П. П. Канчаловскимъ, принасланнымъ къ участию и Рѣпина, и Сѣрова, и Пастернака, и Левитана, и Сомова, и Васнецова, и Врубеля, находимъ весьма посредственный рисунокъ К. А. Королева. У Татьяны вмѣсто лѣвой руки, виситъ развернутый во всю длину чулокъ, а у Онегина, едва намѣчаются признаки носа. А на рисунокѣ академика Я. Я. Бельзена („Евгеній Онегинъ“, изд. М. И. Гольдберга, 1897 г.) герою не достаѣтъ столь величинаго при словесныхъ объясненіяхъ предмета, какъ ротъ, а въ смыслѣ композиціи и экспрессіи не лишено оригинальности, что Онегинъ и Татьяна, глядя другъ на друга исподлобья, не скрываютъ взаимной ненависти.

На первыхъ мѣстахъ въ этой, какъ видѣтъ читатель, весьма неблестящей галлерей стоитъ для рисунка Е. Самокинь-Судковской. Одинъ извѣстенъ по „Пушкинскому Альбому“ широко распространенной „Нивы“ 1899 г. Другой появился въ иллюстрированномъ художницей изданіи „Онегина“ Т-ва Голицыне и Вильборгъ и воспроизводится на обложкѣ этого № „Ст. и Ус.“.

Да будетъ мнѣ позволено признаться, что я не поклонникъ того женатнаго дѣла, въ которомъ испознала Самокинь-Судковская свою онегинскую сюиту, и не люблю слащавой манеры ея во всякомъ случаѣ талантливатаго и красиватаго письма. Но оба рисунка созданія, какъ появившійся въ „Нивѣ“, такъ и этотъ, принадлежатъ къ самымъ удачнымъ у нея, и наиболѣе, выражаясь моднымъ словомъ, „пріимлемымъ“. Второй рисунокъ даже лучше, потому что проще. Туалетъ Татьяны даже слишкомъ простъ: вѣдь она ждетъ Евгенія „съ утра одѣта“—не забылъ предупредить Пушкинъ, который ничего не говоритъ проста, „такъ себѣ“,—и въ ея туалетѣ должна быть мыслена эта, чисто-женская, предусмотрительность и заботливость. Она не можетъ быть одѣта небрежно, когда ждетъ его на первое тайное свиданье. Но прекрасны нова и въ особенности выраженіе глазъ Татьяны. Вѣренъ пушкинскому подлиннику и Онегинъ: онъ не читаетъ строгую нотацию, какъ у другихъ иллюстраторовъ, видно, что онъ дѣйствительно „живо тронуть“ и не хочетъ не только „обмануть довѣрчивость души великой“, но даже задѣтъ неосторожнымъ словомъ. И по темнотѣ (НВ: пальцы) этотъ рисунокъ лучше прежняго.

Н. Лернера.